

УДК 141.78:27-526.62

**БЫЛИННЫЙ БОГАТЫРЬ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА.
ПОСТМОДЕРНИСТСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ИКОНОГРАФИИ
ИЛЬИ МУРОМЦА**

Вальчак Д., Никольский Е.В.

Настоящая статья посвящена образу Илии Муромца в современной русской культуре. Авторы показывают, что только в конце XIX века произошла контаминация двух разных персонажей: былинного богатыря Ильи Муромца и преподобного Илии Печерского из Киево-Печерского монастыря. В результате данного наложения, а также под влиянием живописи В.М. Васнецова, советской монументальной скульптуры и мультипликационных фильмов на рубеже XX и XXI вв. складывается нетипичная иконография святого Илии как монаха-воина. В статье доказывается, что в современной иконографии Ильи Муромца нашли выражение все главные черты постмодернизма: эпистемологическая неуверенность, деконструкция и деканонизация, интертекстуальность.

Ключевые слова: Илья Муромец, Илия Печерский, былина, богатырь, иконография, постмодернизм.

**“BOGATYR” IN THE EPOCH OF POSTMODERNISM.
POST-MODERN ELEMENTS OF ILYA MUROMETS’
ICONOGRAPHY**

Walczak D., Nikolsky E.V.

This article considers the image of Ilya Muromets in modern Russian culture. The authors show that only in the end of the 19th century there was a contamination of two different characters: the epic hero Ilya Muromets and the reverend Ilya Pechersky from the Kiev Monastery of the Caves. As a result of this overlay, as well as influence of Victor Vasnetsov’s painting, Soviet monumental sculpture and animated films at the turn of the 20th and 21th centuries reveals a typical iconography of St. Ilya as a warrior monk. The article proves that all main

postmodernism features are expressed in the modern iconography of Ilya Muromets: epistemological uncertainty, deconstruction and decanonization, intertextuality.

Keywords: Ilya Muromets, Ilya Pechersky, epic, hero, iconography, postmodernism.

Известный семиотик культуры Б.А. Успенский в книге «Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского)» [18] развивает гипотезу о том, что образ святителя Николая Чудотворца является результатом контаминации фактов из биографии нескольких исторических персонажей с этим именем и черт нескольких языческих божеств. Другими словами, святитель Николай, представляет собой образ собирательный, являвшийся результатом длительного культурного процесса.

Былинного богатыря Илью Муромца, ставшего в последнее время своеобразным «постмодернистским» героем, большинство исследователей, как историков, так и фольклористов, тоже относят к категории так называемых «собирательных героев». И такое мнение достаточно распространено, о чем свидетельствует факт, того, что оно нашло отражение в содержании школьных хрестоматий и учебных пособий для вузов. Например, А.М. Астахова в своей статье «Илья Муромец в русском эпосе» отмечает, что «в образах могучих богатырей дано художественное обобщение силы народных масс, высоких качеств народа:... в образах богатырей воплощены представления о подлинной доблести, дан идеал народного героя» [2, с. 393].

В раннем средневековье Илья Муромец действительно пользовался большой популярностью: он является одним из главных персонажей киевского цикла былин, фигурируя в 15 былинных сюжетах. Главные из них это «Святогор», «Илья Муромец и Соловьев-разбойник», «Илья Муромец и Идолище Поганое», «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром», «Бой Ильи Муромца с Жидовином». Д.С. Колосов подчеркивает, что Илья представляет все четыре поколения древнерусских богатырей и в некоторой степени стал

«сквозным героем» всего былинного цикла [8, с. 72]. По мнению исследователя М.С. Родионова, киевские былины не переросли в эпическую поэму масштабов «Песни о Роланде» только лишь потому, что начавшийся уже процесс формирования такой поэмы был внезапно прерван татаро-монгольским нашествием, «уничтожившем ту социальную среду, в недрах которой формировал и бытовал героический эпос» [16, с. 127]. В противном случае, Илья Муромец, несомненно, стал бы главным героем такой эпической поэмы.

Согласно кодифицированным текстам былин, Илья был крестьянским сыном и до 30 лет страдал параличом. Свою богатырскую силу герой получил от «калик перехожих» и с тех пор превратился в защитника земли русской от всяких врагов-завоевателей. Он был так смел и непреклонен, что, чувствуя свою правоту, не побоялся вступить в прямой конфликт с Киевским князем Владимиром (предположительно, речь идет о Владимире Мономахе). Именно таким героем-патриотом, защитником русских рубежей, он выступает в культуре XIX века, в поэмах Н.М. Карамзина и А.К. Толстого, на полотнах В.М. Васнецова (главным образом «Богатыри» и «Богатырь на распутье») и Н.К. Рериха.

Из современных исследователей, занимавшихся вопросами историзма фольклора, только С.Н. Азбелев высказывал предположение о существовании реального прототипа былинного героя, которое было лишь догадкой, явно не увязываемой с каким либо конкретным лицом. Он пишет, что «сама устойчивость подобного завершения "эпической биографии" наиболее популярного героя былин наводит на мысль, что перед нами не художественный вымысел, а уснащенное домыслами отображение реальной биографии исторического прототипа» [1, с. 80].

Исследователи считают, что образ Ильи Муромца является своего рода исторической загадкой. По этому поводу отмечается: «Неизвестно, когда именно и в какой части старой Руси стали складываться первые былины об Илье Муромце. Неизвестно также, явилось ли какое-либо определённое лицо историческим прототипом этого образа. С этой точки зрения былинный образ

Ильи Муромца окружён наибольшей тайной среди главнейших богатырей русского эпоса. Не дают никаких нитей для освещения вопроса о месте и времени возникновения образа Ильи Муромца и древнерусские летописи: в них упоминается имена Добрыни Никитича, Алёши Поповича, но нигде не упоминается имя Ильи Муромца» [2, с. 406].

Тем не менее, в какой-то исторический момент легендарный и загадочный Илья Муромец начал отождествляться с преподобным Илией Печерским, мощи которого хранятся в Киево-Печерской Лавре. Что касается самого Илии Печерского, его культ, по-видимому, формируется довольно поздно. В Киево-Печерском патерике он не фигурирует, так как тот был составлен еще при жизни святого. Только в 1594 г. посол германского императора Эрих Лассота впервые сообщает о присутствии мощей Илии в Киевских пещерах. Первые письменные сведения о его жизни появляются еще позднее, они относятся уже к 1630-тым годам. Официальная канонизация Илии Печерского была совершена в 1643 г.

Определение прототипов и соотношение их с образами литературных произведений и фольклора всегда было важной и интересной темой литературоведения и фольклористики. В данной статье мы оставляем в стороне мифологический пласт фольклора, а рассматриваем только исторический аспект.

Советские и российские исследователи считают, что образ Ильи Муромца является своего рода исторической загадкой [2; 7; 9]. Так А.М. Астахова отмечает: «Неизвестно, когда именно и в какой части старой Руси стали складываться первые былины об Илье Муромце. Неизвестно также, явилось ли какое-либо определённое лицо историческим прототипом этого образа. С этой точки зрения былинный образ Ильи Муромца окружён наибольшей тайной среди главнейших богатырей русского эпоса. Не дают никаких нитей для освещения вопроса о месте и времени возникновения образа Ильи Муромца и древнерусские летописи: в них упоминается имена Добрыни Никитича, Алёши Поповича, но нигде не упоминается имя Ильи Муромца» [2, с. 406].

Отсутствие имени Ильи Муромца в летописях, хотя и не опровергает факта его реального существования, но и не является аргументом против этого факта. В конце XIX века исследователь А.М. Лобода в книге «Русский богатырский эпос» [10, с. 13-18] высказал предположение, что святой Илия из киевских пещер является прототипом былинного богатыря. Эта гипотеза практически не исследовалась и не аргументировалась, так как долгое время исследователи были ограничены в средствах и, в частности, не использовали фактов и сведений из истории христианской церкви и объектов культа. В частности, в трудах, посвящённых русскому былинному эпосу практически нет упоминаний о том, что среди Святых Киево-Печерской Лавры есть и «преподобный Илья Муромец Печерский».

А.М. Астахова пишет, что «в этом предании о мощах Ильи Муромца можно видеть опозитизированное *народом сопоставление своего любимого богатыря с каким либо святым Лавры* (курсив наш – Д.В., Е.Н.), случайно носившим то же имя. Но всё это не даёт никаких данных об историческом генезисе образа» [2, с. 408].

Однако ряд данных говорит в пользу данного предположения: 1) изучение имён и житий святых [17, с. 17-67]; 2) исследования неполногласной лексики былин [4, с. 49-65; 19, с. 87-96]; 3) явление инкультурации 4) археологические исследования и медицинская экспертиза мощей святого Илии [14, с. 125-147]. Рассмотрим их подробнее.

1. Киевские святые, помимо имени (если на то были основания, взятые из житий), получали своеобразные прозвания, указывающие на те, или иные обстоятельства из их жизни. Например, Нестор – летописец, Евстратий – постник, Иоанн – многострадальный, Алипий – иконописец. Эпитет «Муромец», получаемый преподобным Илиею при его канонизации, случайным не представляется, он явно увязывается с былинным богатырём.

Жития Илии Муромца не содержится в Печерском патерике, так как время составления памятника совпадает со временем жизни святого, он умер около 1188 года. О жизни Илии известно немного. Его канонического жития

не составлено по сей день. Первоначально преподобный Илия был захоронен в Софийском соборе, что свидетельствует о его особых заслугах; был официально канонизирован в 1643 году, хотя почитание его как святого имеет более раннюю историю. По описаниям паломников XVIII-XX вв. его мощи свидетельствуют об огромном росте и физической силе [6, с. 6-17; 10, с. 13-18].

О верности нашего предположения свидетельствует и наблюдение паломника XVIII века, настоятеля собора Василия Блаженного отца Иоанна Лукьянова, который видел «храброго воина Илию Муромца «в нетлении под покровом златым, ростом яко нынешних крупных людей; рука у него левая пробита копием, язва вся знать на руце; а правая рука изображена крестное знамение» [6, с. 8-12].

О том, что монах мог быть воином, свидетельствует следующее. В духовной ментальности (культуре) Древней Руси сложился особый тип святости – святой воин. В связи с этим стоит вспомнить активное почитание святых Георгия Победоносца, Дмитрия Солунского, Андрея и Феодора Стратилатов, Тита Печерского – «бывшего воина» и других. Помимо этого при прославлении русских святых учитывалось и то, что при жизни они были воинами. Так, например, на иконах Владимира – святого Иоанна Крестителя, страстотерпцев Бориса и Глеба, и других святых князей, изображался меч как символ не только их высокого сана, но и ратного служения.

В былинах Илья Муромец представляется человеком религиозным. В них проводится мысль, что он после воинских подвигов, окончив службу, раздав нажитые им богатства нищим и на украшение храмов, посвятил себя молитвам и аскезе. В одной из былин он говорит:

«Я еду служить за веру христианскую
И за землю русскую
Да и за стольный Киев – град
За вдов, за сирот, за бедных людей» [2, с. 396].

А в одной из вариантов былины «Три поездки Ильи Муромца» говорится: «...Соходил старый со добра коня,

И брал крест на руки на белья,
Снимал со глубокого со погреба,
И взял живот из погреба золоту казну
И воздвигнул живот во славный Киев-град,
И построил он церковь соборную.
Тут Илья и окаменел,
И поныне его мощи нетленные...» [15, с. 512].

Существует мнение о том, что «сознание религиозного содержания ратных подвигов – особого пути православного служения – пронизывает ...былины ... при общем числе былинных сюжетов, доходящем до 90, Илье Муромцу посвящено более десятка, при чем, большинство из них имеет отношение к защите Православия на Руси. Все это говорит о том, что богатырство на Руси представляло особый вид церковного (возможно, даже монашеского) служения, необходимость которого диктовалось, в том числе и заботой о защите веры» [6, с. 9].

2. Как показал лингвистический анализ текстов былин, в их языке наблюдается превалирование неполногласной лексики, характерной для церковно-славянского языка, над полногласной, обычной для древнерусского. Это косвенно свидетельствует в пользу церковного генезиса произведений этого жанра.

3. В современной религиозной философии и культурологии есть понятие «инкультурация», т.е. творческое восприятие христианской проповедью традиций локальной культуры. Поэтому возникает версия о первичности церковного предания, после которого формируются былины, содержащие в себе также и языческие элементы.

4. В пользу исследуемого нами предположения говорят также результаты проведённой эксгумации мощей святого Илии. Согласно медицинской экспертизе определён возраст при кончине – 40-55 лет. Илья Муромец имел несколько переломов ребер и правой ключицы, проникающее ранение левой руки. Сквозное же ранение грудной клетки острым предметом (по-видимому,

копьем) стало для него, вероятно, смертельным; установлено повреждение позвоночника в результате паралича в юности, определены дефекты гипофиза, способствовавших малой подвижности в детстве и юности, на что указывается в былинах [14, с. 138].

В лучах свечи, играющей отблесками по низким сводам глиняных подземельных лабиринтов, его рака казалась даже тесноватой для богатырского тела Муромца. С помощью антропометрических исследований было установлено, что Илья Муромец действительно обладал огромной силой и рост имел около двух метров, что нетипично для низкорослых средневековых людей. Но в случае, если «30 лет и 3 года», как повествуют народные предания, он вообще не мог ходить, то это привело к некоторым физиологическим изменениям организма. К утолщению черепа, увеличению размеров кисти по сравнению плеча.

Если исходить из этих наблюдений, то можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что святой Илия из Киевских пещер послужил возможным прототипом былинного героя.

По описаниям паломников XVIII-XX вв. мощи Илии свидетельствуют о его огромном росте и физической силе. На эти описания и ссылается А.М. Лобода, впервые высказавший предположение, что былинный Илья Муромец и преподобный Илия Печерский – одно и то же лицо [10, с. 16]. Действительно, некоторые основные биографические факты говорят в пользу данной гипотезы. Согласно исследователям, погребение мощей инока из Киево-Печерской лавры относится к XI-XII вв., а, согласно преданиям, былинный герой «жил и действовал» тоже примерно в то же время [6, с. 14].

Насколько данная гипотеза соответствует исторической правде, сказать трудно, да и вряд ли когда-либо будет возможным это проверить, но для нашей темы важно лишь то, что, начиная с конца XIX века, в русской культуре происходит контаминация образа былинного героя-воина с образом святого монаха.

Данная тенденция заметна также в иконописи. Если, начиная с XVII века, преподобный Илия изображался на иконах в монашеском облачении, да и его иконы были сравнительно редки, то в иконографии конца XX века в его образе сочетаются элементы монаха и воина. В самом популярном варианте иконы святого Илии он одет в монашеское облачение, но опирается на меч – атрибут святых воинов.

В настоящее время в России мы действительно наблюдаем резкий всплеск интереса к образу Ильи Муромца, который, с одной стороны связан с сильным «патриотическим» потенциалом защитника земли русской от инородного вторжения, а с другой – с идущим с 80-тых годов прошлого века возрождением Православия в нашем народе. Не без значения остается также и влияние известных мультипликационных фильмов, популяризовавших образ былинного богатыря среди широких слоев населения. Еще в советское время, в 1975–1978 гг. была снята знаменитая дилогия «Илья Муромец (пролог)» и «Илья Муромец и Соловей-разбойник» (два 10-минутных фильма), а начиная с 2004 г. каждый год выходит новый фильм из серии о трех богатырях анимационной студии «Мельница». Илья Муромец как герой появляется в огромном большинстве из них.

Не только принадлежность Илии к святым воинам или к преподобным вызывала противоречия. На рубеже XX и XXI вв. после падения СССР и развития локальных национализмов мы наблюдаем зарождение международного и межнационального спора об Илье Муромце. Как мы уже упоминали, Илья Муромец считается образцовым «русским богатырем» и именно так был представлен на полотнах Васнецова. По былинам он был уроженцем села Карачарово близ Мурома. В то же время некоторые исследователи, по преимуществу украинские, подвергают сомнению происхождение богатыря из Владимиро-Суздальской земли, считая, что на самом деле в былинах речь шла о Моровске на Черниговщине. Тем самым пытаются доказать факт принадлежности Ильи к украинскому народу. Впрочем, есть и более экзотические идеи о национальной принадлежности

святого. Например, казахстанский ученый Б.С. Ахметкалеев на основании довольно сомнительного лингвистического материала пытается доказать, что Илья Муромец, на самом деле, был тюркского происхождения [3].

Монах-воин для многих групп и организации привлекательным героем. В любви к нему признаются не только Россия и Украина, но и представители определенных профессиональных групп, такие как, например, российские пограничники, признавшие Илью Муромца своим покровителем. Неслучайно памятник богатырю-защитнику русских рубежей был поставлен на восточной границе России во Владивостоке. Одетый в монашеское облачение Илья Муромец вместе с матросом, суворовцем, казаком и современным пограничником, был помещен также и на монументальном памятнике «Защитникам рубежей Отечества» в Краснодаре, получившем в 2016 г. главную премию ФСБ [12].

Современная иконография Ильи Муромца, на самом деле, сугубо постмодернистская. В ней нашли свое выражение почти все главные черты постмодерна, о которых пишет, например, В.М. Дианова – эпистемологическая неуверенность, интертекстуальность, деконструкция, деканонизация [5, с. 126]. Постараемся вкратце представить популярнейшие изображения святого богатыря и на их основании доказать тезис о том, что этот сюжет является постмодернистским.

Самое распространенное иконное изображение Ильи Муромца – это бородатый человек в монашеском одеянии, одной рукой опирающийся на меч, а другой благословляющий. Последнее так же не по канону, ведь святой не был священником и не имел права благословлять людей. Иногда Илия изображается в полный рост, иногда только по грудь, что допускается в православной традиции. На некоторых житийных иконах большое изображение Ильи в среднике окружают клейма со сценами из его жизни, в том числе и такими фантастическими, как борьба с драконом. В образе монаха-воина богатырь изображен и на некоторых памятниках, например, в Краснодаре (2016), во Владивостоке (2012) или в Рубцовске на Алтае (2018). Данная схема была

позаимствована из иконографии святого благоверного князя Александра Невского.

Действительно, если отождествлять святого Илию Печерского с Ильей Муромцем, то биографии обеих персонажей сильно похожи друг на друга: оба они были воинами, оба на старости лет ушли в монастырь и были причислены к лику святых в чине преподобных. Что касается иконографии самого святого Александра Невского, то вплоть до самого XVIII века его изображали как монаха. И только со времен Петра Великого упор стал делаться на ратные подвиги князя, и с тех пор святой изображается как воин в доспехах и с мечом. Но в иконографии Невского не допускались такие наложения, какие мы наблюдаем на примере иконографии Ильи Муромца.

Второй популярный иконографический тип – изображение Ильи Муромца исключительно как святого воина, в доспехах и шлеме. На иконах он появляется в иконографической схеме, характерной для святого Димитрия Солунского, или святого Григория Победоносца (конное изображение). На одной из анализированных нами икон сам образ Ильи Муромца на лошади был прямо заимствован из ставшей знаменитой картины В.М. Васнецова «Богатыри» (sic!), а вся икона оформлена в «живописном» стиле с развернутым пейзажем, по-видимому, стилизованном под XVIII столетие.

Что касается скульптурных памятников, то тут ссылки на мотивы Васнецова не редкость. Конный памятник Илье Муромцу в Киеве прямо отсылает нас к знаменитым васнецовским «Богатырям». А монумент святому в Екатеринбурге, изображающий Илью сидящим на свесившей голову лошади, – к не менее известному «Богатырю на распутье» кисти Васнецова.

Третий тип изображения, воин с мечом в вытянутой руке, представляет памятник святому на его родине в Муроме. Созданный в 1999 г. по проекту правоконсервативного архитектора Вячеслава Клыкова, памятник изображает Илью Муромца в доспехах, плаще и шлеме, с вертикально поднятой над головой рукой с мечом. Иконография данного изображения, а особенно поднятый меч, композиционно сильно напоминает знаменитый советский

памятник «Родина-Мать», построенный в Волгограде в честь победы советского народа в Сталинградской битве. Использование данной схемы усиливает образ богатыря как защитника Родины.

Как видим, современная иконография святого Илии является совершенно неканоничной. Канонично одно только изображение святого в монашеском одеянии, так как он был канонизирован Церковью именно за свой монашеский подвиг. Несмотря на это, некоторые представители Церкви уже как бы этого и не замечают. Так на открытии памятника святому Илии в Рубцовске местный епископ Роман утверждал, что богатырь изображен строго по всем канонам. «Илия Муромец Печерский был защитником России, теперь он – защитник и нашего города. Образ выполнен правильно, по православному канону: монашеское одеяние и меч воина» – сказал епископ Интернет-порталу «Алтайская правда» [13]. В этом заявлении иерарха хорошо замечается эпистемологическая неуверенность – один из основных признаков постмодернизма, то есть, полная расплывчатость в понимании понятий и категории.

Илья Муромец ведь никогда не был одновременно и воином, и монахом, как это было распространено в католичестве. Но если уж представители Православной Церкви не видят ничего необычного в иконографии святого Илии в монашеском одеянии и с мечом, то, что тогда говорить о сознании простых верующих без богословской подготовки?

Из других черт постмодернизма в иконографии Ильи проявляются также деконструкция и деканонизация: на первый план выдвигаются второстепенные с точки зрения Церкви функции. Вместо того чтобы почитать Илью как преподобного, то есть, святого монаха, прославившего себя подвигом аскезы, в иконографии специально выделяются менее существенные для образа святости, но более патриотические черты его характера: воинская доблесть и роль защитника Родины (если, конечно, принимать, что Илья Муромец и Илия Печерский – одно и то же лицо).

Деканонизация связана и с интертекстуальностью – множественностью и разнородностью источников иконографии Ильи. Как мы видели, кроме более «естественных» источников для церковной иконографии, таких как иконография святых монахов или святых воинов, на формирование церковной иконографии святого Ильи повлияли совершенно «светские» образцы, в том числе известные картины В.М. Васнецова, советская скульптура «Родина-мать», и проч.

Постмодернистский характер образа Ильи Муромца может вызывать некоторое удивление: ведь, казалось бы, церковная иконография, находящаяся в рамках канонов, всегда оставалась довольно консервативной и трудно подвергалась внешним влияниям, а уж, тем более, влиянию поп-культуры, рассматриваемой большинством иерархов как враждебный Церкви элемент.

На самом деле, на церковную иконографию, как и на жизнь Церкви, сильное влияние оказывает процесс секуляризации. А иконография Ильи Муромца представляет собой особо яркий пример данного явления именно за счет ранее произошедшей контаминации перешедшего в область попкультуры образа былинного героя с православным святым, а также благодаря огромному нравственному значению и «патриотическому потенциалу» этого собирательного героя в русской культуре [11, с. 56].

Список литературы:

1. Азбелев С.Н. Князь Владимир и Илья Муромец // Русская речь. 1993. № 3. С. 73-80.
2. Астахова А.М. Илья Муромец в русском эпосе // Илья Муромец, сборник М.-Л.: Издательство АН ССР, 1958. С. 393-419.
3. Ахметкалеев Б.С. Кто ты – русский богатырь Илья Муромец? // Проблемы науки. Языкознание и литературоведение. 2019. № 2 (36). С. 36-39.
4. Виноградов В.В. Отзывы А.А. Шахматова о сочинениях на соискание медалей студентов С.-Петербургского университета // Доклады и сообщения Института рус. яз. М. – Л.: Издательство АН СССР, 1948. С.49-65.

5. Дианова В.М. Постмодернизм как феномен культуры // Введение в культурологию: Курс лекций / Ред. Ю.Н. Солонина, Е.Г. Соколова. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2003. С. 125-130.
6. Иоанн (Снычев), митрополит. Торжество Православия // Наш современник. 1993. № 4. С. 6-17.
7. Кожин В.В. История Руси и Русского слова: Современный взгляд. М.: Московский учебник-2000, 1997. 525 с.
8. Колосов Д.В. «Сквозной герой» былинного эпоса // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. № 3. С. 68-74.
9. Кравцов Н.И, Лазутин С.Г. Русское устное народное творчество: Учебник для филологических специальностей университетов. М.: Высшая школа, 1983. 448 с.
10. Лобода А.М. Русский богатырский эпос (Опыт критически-библиографического обзора трудов по русскому богатырскому эпосу). Киев: Тип. Имп. Ун-та св. Владимира В.И. Завадского, 1896. 237 с.
11. Миронов А.С. Русский былинный эпос как система ценностей (к постановке проблемы) // Новый филологический вестник. 2016. № 3 (38). С. 45-60.
12. Памятник Илье Муромцу, суворовцу, казаку и пограничнику получил премию ФСБ [Электронный ресурс] // Кубань 24. 13.12.2016 [сайт]. URL: <https://goo.su/2hfl> (дата обращения: 08.06.2020).
13. Памятник Илье Муромцу установили в Рубцовске [Электронный ресурс] // Алтайская правда. 08.05.2018 [сайт]. URL: <https://goo.su/2hFL> (дата обращения: 08.06.2020).
14. Панкеев И. От крестин до поминок: Обычаи, обряды, предания рус. народа, М.: ЭКСМО, 1998. 252 с.
15. Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Под ред. А.Е. Грузинского. М.: Изд. фирмы «Сотрудник школ», 1910. Т. 2. 727 с.
16. Родионов М.С. Героическая поэма русского эпоса // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 13 (228). С. 124-127.

17. Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1: Первый век христианства на Руси. М.: «Гнозис», 1995. 874 с.
18. Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М.: Изд-во МГУ, 1982. 245 с.
19. Шахматов. А.А. Введение в курс истории русского языка. Петроград: изд. ком. студентов И.-ф. ф. Ун-та, 1916. Ч. 1. 146 с.

Сведения об авторах:

Вальчак Дорота – магистр истории, магистр филологии, докторант исторического факультета Варшавского университета (Варшава, Польша).

Никольский Евгений Владимирович – доктор филологических наук, доктор богословских наук, профессор, Ученый секретарь Научно-экспертного совета Института современных гуманитарных исследований (Москва, Россия).

Data about the authors:

Walczak Dorota – Master of History, Master of Philology, Doctoral Candidate of Faculty of History, University of Warsaw (Warsaw, Poland).

Nikolsky Evgeny Vladimirovich – Doctor of Philological Sciences, Doctor of Theological Sciences, Professor, Scientific Expert Council Secretary of the Institute of Modern Humanitarian Researches (Moscow, Russia).

E-mail: dorota.walczak1990@gmail.com.

E-mail: Eugenius-08@yandex.ru.